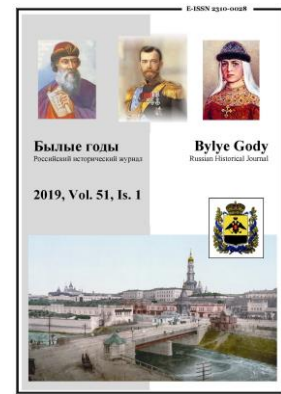

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 219-230. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.219
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Marital Relationships Among Orenburg Aristocracy during the Post-Reform Period (Behavioral and Mental Components)

Elena V. Burlutskaya (Bannikova) ^{a, *}

^a Federal State Educational Institution of Higher Education Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article provides an analysis of relationships between spouses in the families of noblewomen living in the towns of the Orenburg region during the post-reform era within the framework of history of everyday life. The objects of this study are behavioral and mental components of women's daily family life, i.e., the actions and consciousness of noblewomen related to the sphere of marital relations. Sources used in this study allow us to argue that by the second half of the 19th – early 20th century intrafamily relations had significantly transformed as a result of the overall modernization of Russian society. Women began to proclaim their personal interests more often, both openly and in indirect manner, showing more and more freedom of behavior within the family. The number of unmarried women increased.

In the towns of the Orenburg province these processes had some distinct traits due to the non-standard composition of the urban nobility. Those nobles usually came from another province or even another country; they moved to this region only for the period of their service and did not plan to use the Orenburg province as a place of their permanent residence. This significantly reduced the level of social control and led to greater freedom of morals, especially in the upper strata of the nobility. Noblewomen of the middle strata were more inclined to preserve the traditional family, and were not against unequal marriages. However, a significant difference in the number of noblemen and noblewomen in the Orenburg province, as well as a high level of education of local noblewomen significantly reduced the total number of marriages.

Keywords: province, daily life, women, noblewomen, family, marriage.

1. Введение

Обращение к обстоятельствам семейной сферы повседневной жизни различных категорий населения Российской империи в настоящий момент представляет собой одно из наиболее популярных направлений исследований в рамках социальной истории, истории повседневности, исторической психологии. Интерес к частной истории, возникший в России относительно недавно, около полувека назад, вызван, во-первых, изменением парадигмы исторического научного знания, для которого теперь история малого и история великого стали почти равнозначными понятиями. Во-вторых, все большее число россиян стремится выяснить историю жизни своих предков, открывая домашние архивы, обращаясь к воспоминаниям старших родственников. А эти источники, как правило, дают материал, связанный именно с семейными взаимоотношениями и семейным бытом.

В рамках различных российских регионов поднятая научная проблема уже становилась предметом научного исследования (Гончаров, 2002; 2014), что позволяет осуществлять сравнительный анализ семейной повседневности дворян различных губерний Российской империи. Даже в Оренбуржье усадебная жизнь дворян была изучена и получила освещение на страницах монографии Е.В. Мишаниной (Мишанина, 2017). В то же время частная жизнь дворян в городах

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya (Bannikova))

Оренбургской губернии пока еще остается неисследованной сферой. Главной причиной такого положения дел, вероятнее всего, является малое число дворян, проживающих в губернском и уездных центрах региона, и отсутствие каких-либо нарративов, авторами которых были бы оренбургские городские чиновники и офицеры.

Тем не менее, обширный комплекс других источников вполне позволяет обратиться к изучению семейной жизни женщин дворянского сословия в пореформенную эпоху. Решению указанной научной задачи и будет посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Информация о семьях оренбургских дворянок содержится в источниках разного плана. Это и статистические материалы (ПВПН РИ, 1905), и сообщения современников (Чернов, 2007; Залесов, 1903), и архивные документы, представленные метрическими книгами (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16) и бракоразводными делами из фонда Оренбургской духовной консистории (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5). К источникам можно также отнести произведения художественной литературы, написанные в исследуемый период (Плещеев, 1960), поскольку освоение действительности через художественный образ позволяет глубже проникнуть в те сферы повседневности, которые малодоступны через иные способы познания. Речь идет, прежде всего, о ментальности, которая понимается как своеобразие проявления группового сознания. Современные историки считают литературные произведения одним из важных видов исторических источников, во многом достоверно отражавших реалии повседневной жизни общества, современного автору произведения (Рябова, 2015).

Комплексное изучение источников, сбор научных фактов, составление первичной картины семейной жизни дворянок Оренбургской губернии были осуществлены на основе агрегативного метода в сочетании с методом казуальным, предполагающим детальное рассмотрение отдельных, нетипичных явлений в поведении и психологии оренбургских аристократок. Был задействован статистический метод, позволяющий дать количественный анализ различных показателей жизни дворянской семьи. Проведение анализа совокупности выявленных исторических фактов, выяснение причин тенденций и явлений, наблюдающихся в семейной повседневности оренбургских дворянок, потребовало обращения к принципу исторического объективизма.

Научная обработка названных документов в рамках статьи была осуществлена на основе процессуальной концепции повседневности, разработанной в начале 2010-х гг. (Банникова, 2014). Согласно этому взгляду на повседневность, семейная ее сфера представляет одну из трех составляющих повседневной жизни (трудовая, семейная, досуговая) и выражается через бытовую, поведенческий и ментальный ее компоненты. Бытовой компонент семейной повседневности дворянок в городах Оренбургской губернии может стать самостоятельной темой для изучения, поскольку архитектура дворянских усадеб, их интерьеры, предметы утилитарного использования дают прекрасные характеристики своим владельцам. Однако дворянский быт, очевидно, был примерно одинаков во всех российских губерниях, поскольку ориентировался на господствовавшие представления о моде и красоте, идущие из столиц. В рамках же данной статьи основное внимание было уделено поведению и психологии оренбургских аристократок в семейной сфере повседневности, как представляется, максимально полно выражающим специфику дворянского сословия провинциальной Оренбургской губернии в пореформенный период.

3. Обсуждение

Проблематика статьи находится в рамках так называемой истории женской повседневности, которая оформилась в самостоятельное направление первоначально в западной историографии в середине XX в. В российской исторической парадигме история повседневности стала предметом специального анализа лишь на рубеже XX–XXI вв., однако она по-прежнему остается не вполне институционализированной областью исследований. Именно поэтому исследований, посвященных повседневным семейным практикам женщин-дворянок, в рамках отечественной историографии было создано немного.

Большая часть работ при этом была посвящена дворянству XVIII – первой половины XIX вв., находившемуся в эту эпоху в состоянии расцвета. Отмена крепостного права и последовавшие за ним кризисные явления в экономическом и социальном положении дворянского сословия несколько снижают интерес исследователей к указанным проблемам.

Тем не менее, различные аспекты семейной жизни дворянства второй половины XIX – начала XX вв. в настоящее время активно осваиваются научным сообществом. По мнению Е.А. Пашковой, «общее направление, в котором происходило развитие дворянской семьи в пореформенный период, шло в сторону либерализма и гуманизации внутрисемейных отношений» (Пашкова, 2002: 112).

Этот вывод подтверждается и в фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова, посвященном социальной истории Российской империи. Автор утверждал, что трансформирующийся «менталитет образованного русского общества оказывал положительное влияние на демократизацию отношений в семье, на превращение патриархальных семей в эгалитарные, в которых отношения между супругами строятся на основе равенства» (Миронов, 2003: 263).

Среди десятков различных публикаций следует выделить работы В.А. Веременко. Она подчеркивает, что исследуемый период представляет собой эпоху «кардинального изменения структуры российского общества. Патриархальные традиции уходили как из сферы межсословных отношений, так и из межличностных внутрисемейных связей» (Веременко, 2017: 180). В монографии «Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.)» (Веременко, 2009) В.А. Веременко проанализировала изменения, произошедшие в дворянской семье в условиях модернизации, выделила этапы ее эволюции. По мнению автора, на рубеже XIX–XX вв. дворянская семья переживала кризис, проявлениями которого стали разъезды супругов, постоянно увеличивающееся число разводов, конфликты отцов и детей в законных семьях и рост числа незаконнорожденных детей.

Государственная политика в сфере дворянской семьи сочетала в себе детальную регламентацию имущественной сферы семейной жизни и предельно общее, построенное не на правовых, а на моральных принципах, определение взаимных прав членов семьи, опору на неписанные обычаи и применение практики нарушения закона в форме монаршей милости.

Из публикаций А.В. Беловой следует, что женские взгляды на брак, семью и другие бытовые вопросы отличались крайним разнообразием реакций, часто выходявших за рамки нормативных и поведенческих стереотипов. Как отмечает автор, при «меньшем динамизме, большей размерности и консерватизме провинциальной повседневности некоторые социокультурные условности, накладывавшие ограничения на индивидуальные самопроявления дворянок, отменялись в ней гораздо легче, чем в условиях неукоснительного соблюдения норм столичного этикета» (Белова, 2007: 9–10).

В статье С.С. Селиверстова также утверждалось, что повседневная жизнь дворянина «во многом зависела от его социального статуса и выполняемых им служебных обязанностей» (Селиверстов, 2009: 134), то есть отличалась существенным разнообразием.

Таким образом, практически все современные авторы сходятся во мнении, что дворянство было той социальной группой, в которой модернизация внутрисемейных отношений в пореформенный период проявила себя наиболее ярко. В зависимости от столичности или провинциальности региона, его исконности или новизны в составе империи семейная повседневность дворян различных губерний могла разительно отличаться. Поскольку на материалах Оренбургской губернии подобных исследований еще не проводилось, анализ семейной составляющей повседневной жизни дворянок, проживающих в городах региона, представляется научнообоснованным, актуальным и современным.

4. Результаты

По данным Переписи 1897 г. в Оренбургской губернии в составе городского населения дворяне насчитывали 5,56 %, представляя третью по численности сословную группу после мещан (60 %) и крестьян (23,91 %) (ПВПН РИ, 1905: XII). В городских центрах региона процент дворян был не одинаков, варьируясь от 8,04 % в Оренбурге до 0,6 % в Илецкой Защите.

К 1897 г. Оренбург по своей дворянской составляющей населения был похож на столичный Санкт-Петербург, в котором дворянство составляло в 1900 г. 8,1% жителей (Рашин, 1956: 129). Среднероссийский показатель, демонстрирующий процент дворянства в городском населении, согласно данным А.Г. Рашина, составлял в 1897 г. 6,2 % (Рашин, 1956: 122). В Оренбурге процент дворянского населения превосходил этот показатель, что объяснялось значительным присутствием здесь воинского контингента. Челябинск по этому параметру вполне соответствовал среднероссийской норме, а вот другие города Оренбургской губернии сосредотачивали в себе значительно меньшее число дворян.

Почти 45 % дворянок, проживавших в городах Оренбургской губернии, были рождены за ее пределами. Это были жены или дочери офицеров либо чиновников, приехавшие вместе с мужьями и родителями к месту их службы. Так, например, в Оренбурге иногубернское происхождение имели 1 281 дворянок (42 % от общего числа дворянок в городе), в Челябинске – 408 (66 %), в Троицке – 171 (40 %), в Орске – 35 (39 %), в Верхнеуральске – 66 (30,5 %) и в Илецкой Защите – 17 (39,5 %) (ПВПН РИ, 1905: 22–23). Разница мест рождения усугубляла и без того ощутимую пестроту местной аристократии, о которой писали оренбургские авторы. Как подмечал Ф.И. Лобысевич, ротация чиновничества происходила в городе непрерывно, «так что Оренбург прозван весьма верно почтовой станцией; дворянства местного почти нет, или, по крайней мере, оно здесь не играет никакой роли ...» (Лобысевич, 1878: 21).

Таблица 1. Дворянство городов Оренбургской губернии во второй половине XIX века (ПВПН РИ, 1905: 26)

Сословия	Сословия, проживающие в городах	Города губернии						Всего в городах губернии (человек)
		Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	
Дворянство (личное и потомственное)	Дворянок	3 045	90	616	422	216	43	8 483 (5,56 % горожан)
	Всего человек обоего пола	5 821	166	1 224	838	367	67	
	% от дворян губернии	68,62	1,96	14,43	9,88	4,33	0,78	
	% от жителей города	8,04	1,18	6,12	3,60	3,31	0,6	

Отсутствие сплоченного сообщества городских старожилов «от аристократии» приводило к тому, что нравы в городской верхушке царили самые что ни на есть свободные. Н.Г. Залесов в своих «Записках», рассказывая о жизни высшего общества при губернаторе В.А. Перовском, писал, что «большинство хорошеньких дам высшего оренбургского общества ... веселились до упаду на балах Перовского, дома жили привольно, благодаря его же милостям и в силу этого и прекрасной его наружности только и хлопотали о том, чтобы сойтись с ним поближе. К сожалению, желающих было много, а избранных мало, и потому многие удовлетворились тем, что отдали свои симпатии кому-либо из близких Перовскому лиц из той блестящей толпы светской молодежи, которую привез он с собой из Петербурга». В результате к моменту появления в Оренбургской губернии следующего губернатора Обручева, «половина молодых дам из высшего круга уже была замешана в разных интригах» (Залесов, 1903: 282).

В статье «Оренбургское высшее общество глазами писателя. Повесть А.Н. Плещеева "Пашинцев" как источник по истории женской провинциальной повседневности» (Бурлуцкая, 2018: 237–238) было подробно рассказано о похождениях оренбургских аристократок. По версии современников, во время первого губернаторства В.А. Перовского (1833–1842 гг.) к нему в Оренбург приехала баронесса Зальц, оставившая в Петербурге мужа, важного сановника. Через некоторое время она родила мальчика, которого В.А. Перовский назвал Алексеем и воспитывал как своего приемного сына. Во время второго губернаторства Василия Алексеевича (1851–1857 гг.) «привлечь к себе Перовского» сумела Анна Осиповна Жидкова, жена адъютанта наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Однако Анна Жидков, переведенный адъютантом к Перовскому и быстро пошедший по служебной лестнице, в итоге разошелся с женой, возвратил ей приданое и уехал в Петербург. Оренбургский генерал-губернатор А.П. Безак (1860–1864 гг.) состоял в близких отношениях с женой управляющего винным откупом Ромер, а до этого – с женой уездного предводителя дворянства Виталия Станиславовича Циолковского.

Плещеев утверждал, что добродетелью среди женщин, принадлежавших к высшим аристократическим кругам города и губернии, отличались лишь те, кто не мог похвастаться особой красотой: «Вон его половина; белобрысая, с буклями. Тоже, говорят, добродетельная: да кто же с этакою рожей добродетелен не будет. Рада-радешенька, чай, что мужа сыскала» (Плещеев, 1960: 561). В результате «большая часть молодых замужних женщин высшего круга, имевших хотя тень красоты, вела довольно свободную жизнь» (Залесов, 1903: 282).

Причинами подобной вольности могли служить различные обстоятельства. Мужья часто были вынуждены покидать своих супруг по делам службы, предоставляя их самим себе. А значит, женщины начинали искать себе внимания и чувств на стороне. Или большая разница в возрасте между мужем и женой создавала ситуацию, когда молодая женщина развлекалась, пока ее муж мирно отдыхал дома. Так, А. Плещеев, рассказывал о Софье Михайловне, жене отставного ротмистра, который «принадлежал к числу самых снисходительных и добрых мужей. Он предоставлял жене полнейшую свободу действий и даже был очень доволен, что у нее столько поклонников. Сам же он проводил все вечера свои в клубе за картами, играя, впрочем, по маленькой, потому что приехал в Ухабинск для поправления своих обстоятельств, сильно порасстроженных поездкой с молодою женой за границу и зимой, проведенной в вихре петербургских удовольствий. Он ожидал места, которое

должно было скоро открыться, и надеялся, что, просидев на этом месте годика три–четыре, будет опять в состоянии катнуть если не в чужие края, так в Петербург» (Плещев, 1960: 617).

Несмотря на существующую свободу нравов, официально разведенных дворянок в губернии, по данным переписи 1897 г., насчитывалось всего 3, и все они проживали в Оренбурге (ПВПН РИ, 1905: 52). Как писал Плещев, в Оренбурге-Ухабинске, «если и пошаливали, то келейно, семейным образом» (Плещев, 1960: 618). Но иногда разногласия между супругами требовали вмешательства Духовной консистории и официального развода.

Причины для развода в дворянских семьях могли быть совершенно различными. Так, например, в фонде Оренбургской духовной консистории Государственного архива Оренбургской области сохранилось дело «О расторжении брака дворянки Евгении Александровны Шотт с мужем Ипполитом Львовичем» (1915 г.). Согласно материалам дела, потомственная дворянка Е.А. Шотт (дочь действительного статского советника Александра Станиславовича Старнавского) обвиняла мужа в том, что последние три года их супружеской жизни Ипполит Львович Шотт (потомственный дворянин, сын действительного статского советника), с которым они обвенчались в Варшаве 15 июня 1907 года, «стал нарушать святость брака прелюбодеяниями с другими женщинами; наконец два года тому сошелся с одной женщиною, живет с нею в одном помещении; женщина эта родила от него ребенка» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 1). На момент расторжения первого для обоих супругов брака Ипполиту Львовичу исполнилось 32 года, а Евгении Александровне – 25 лет. Общих детей у супругов Шотт не было.

Шотты представляли высшую иерархию дворянства Оренбургской губернии. С середины XIX века чин действительного статского советника входил в высшую группу чиновничества, которая определяла основное направление государственной политики. Отец И.Л. Шотта, Лев Ипполитович, служил оренбургским губернским предводителем дворянства, в 1906–1907 гг. был членом Государственного совета.

Сам Ипполит Львович утверждал, что в семейном разладе виноват не он, а супруга. Как утверждал И.Л. Шотт, «более трех лет тому назад у нас с женой начались семейные несогласия и недоразумения, а затем жена моя Евгения уехала учиться на высшие курсы, а я сошелся с другою женщиною, с которой и начал сожительствовать; теперь от этой женщины я имею ребенка, которого и воспитываю» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 12). Женщиной этой была «девица Екатерина Федоровна Лотко», действительно родившая в сентябре 1913 г. Ипполиту Львовичу сына Льва.

Такие «свободные» браки во второй половине XIX в. были частым явлением в дворянской среде. По словам Е.А. Пашковой, их существование «было санкционировано обществом и оценивалось такими мемуаристами, как Е.А. Штакеншнейдер, Н.В. Шелгунов и др. с большим пафосом» (Пашкова, 2002: 113). Проживали Ипполит Львович и Екатерина Федоровна в г. Сухуме «на горе Чернявского в собственном доме» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 33 об., 78), в одном из самых красивых аристократичных районов старого Сухума, где располагались виллы и дачи купцов, художников, представителей интеллигенции. Законная же супруга Ипполита Львовича, Екатерина Александровна в это же время жила в Москве на Старо-Монетной улице (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 1).

По итогам судебного разбирательства брак был расторгнут. Евгении Александровне было разрешено вступить в новый брак «беспрепятственно», а на Ипполита Львовича была наложена 7-летняя епитимья, после исполнения которой он также мог вступить в новый брак (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10484. Л. 53 об.). Решение Консистории противоречило нормам статьи 253 Устава духовных консисторий, согласно которому супруг, уличенный в «нарушении святости брака прелюбодеянием», осуждался на «всегдашнее безбрачие» (Устав, 1883: 93). На исход дела явно повлиял статус ответчика и его вероятные связи в высших властных кругах.

О широком распространении незаконных «гражданских» браков писал в своих воспоминаниях Л.Ф. Пантелеев: «Еще до моей ссылки ... мне пришлось столкнуться с расстройством первоначального брака и новой комбинацией на принципе гражданских отношений. Но насколько широко это явление развернулось за время моего пребывания в Сибири! Мой товарищ разошелся с своей первой женой и сожительствовал с особой, которая в свою очередь покинула своего прежнего мужа. За обедом, однако, присутствовала и прежняя жена моего товарища вместе со своим новым мужем, из чего можно было заключать, что расхождение и новые комбинации состоялись без острых воспоминаний с обеих сторон» (Пантелеев, 1958: 625).

Совершенно по-иному складывались супружеские отношения в ситуации взаимных претензий мужа и жены. Так, в ГАОО сохранилось дело о расторжении брака штабс-капитана 92 резервного пехотного кадрового батальона Константина Августиновича Генисаретского. 15 февраля 1880 г. Константин Августинович в возрасте 24 лет вступил в брак с дочерью надворного советника, секретаря Саратовского городского полицейского управления Александра Сергеевича Смирнова Манефой 17-ти лет (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 6, 10 об.).

Следует сразу подчеркнуть, что установленные законом правила вступления в брак лиц, служащих по военному ведомству, оговаривались особо в Своде военных постановлений 1869 г. В соответствии со статьей 254 Свода офицеры для вступления в брак должны были получить разрешение своего командира, который был «обязан рассматривать и окончательно решать вопрос о

пристойности брака». Для «пристойности» требовалось, чтобы «невеста была доброй нравственности и благовоспитанна. Кроме того, при разрешении брака должно быть принято во внимание общественное положение невесты» (Свод, 1907: 224).

Для получения права на вступление в брак офицер должен был иметь не менее 23 лет от роду, а те, кто еще не достиг 28-летнего возраста, могли жениться только «при представлении имущественного обозначения» (ст. 256) в виде недвижимости, приносящей 300 руб. годового дохода, или банковского вклада в 5000 р. (ст. 257) (Свод, 1907: 224). Следовательно, вступивший в брак в возрасте 24-х лет К.А. Генисаретский был человеком не бедным.

Как писал сам Генисаретский, «я ее [жену – Е.Б.] лелеял, хранил и делил с ней свой трудовой кусок хлеба, она же, Манефа Александровна, всем этим пренебрегла, сменив меня на более зажиточного» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 22 об.). Таким образом, постоянные отлучки мужа по делам службы и отсутствие свободных денег привели его супругу к идее отдельного проживания, в чем, по-видимому, ее поддержали и родители.

Примерно через год после свадьбы Манефа Александровна «стала уклоняться ... от семейной и супружеской жизни», изыскивая средства, чтобы разойтись с мужем и жить самостоятельно. В Саратове, где проживали на тот момент супруги, Манефа Александровна сошлась с «не имеющим чина дворянином Алексеем Сергеевичем Колесниковым, впоследствии бывшим в г. Аткарске нотариусом, бросившим в свою очередь жену свою в г. Саратове на произвол судьбы». Сам Колесников при этом откровенно признавался Генисаретскому: «Я люблю вашу жену, уступите мне ее» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 30 об.).

Тесть и теща Генисаретского заявляли ему, что с женой они не сошлись характерами, просили оставить ее в покое: «... Она полюбила другого, ты ее не любишь, и с тобою ей трудно жить; средств у тебя нет, пройдет некоторое время – найдешь себе подругу жизни и успокоишься» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 30 об.). В итоге Манефа Александровна с Колесниковым стали жить открыто, «предварительно с помощью и по проискам отца своего заручившись от меня [К.А. Генисаретского – Е.Б.] письменным согласием на свободное проживание во всех городах России» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 3–3 об.).

Как пишет в своей монографии Б.Н. Миронов, в 1860 г. было принято дополнение к статье 103 Свода законов об обязательном совместном проживании супругов, дававшее право женщинам без развода уклоняться от совместного жительства. Такая возможность появлялась у женщин, чьи мужья были приговорены к ссылке, отличались жестоким обращением с женой или «развратным поведением» (Миронов, 2003: 254). Для получения согласия Алексея Сергеевича на свободное проживание супруги брату Манефы Александровны, Аристарху, даже пришлось инсценировать факт супружеской измены, заманив Генисаретского в гостиницу «Г. Деттерер» и устроив там его «свидание» с проституткой, которое было прервано вторжением тестя и полицейского чиновника. В письме Генисаретского, выданном жене, сообщалось, что «по сложившимся обстоятельствам» он «недостойн своей жены и, сознавая себя виноватым пред нею», дает ей «полную свободу и иск на расторжение брака с правом за ней» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 31).

19 августа 1883 г. в г. Орле Манефа Александровна родила сына Николая (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 3–3 об.). Ее родственники восприняли это обстоятельство спокойно и даже принимали женщину с ребенком у себя во время ее визитов в Саратов (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 6). В Оренбурге Манефа Александровна и А.С. Колесников жили «на Цейхгаузной улице в доме Левиных». Колесников служил делопроизводителем Губернского правления (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 28 об.).

На требование супруга вернуть ему выданную бумагу Манефа Александровна отвечала отказом, как она объясняла, «во-первых, потому что документ этот служит мне как единственное удостоверение о моей личности, во-вторых, он необходим мне для снискания себе средств к жизни, так как я, не имея никакого имущества, приносящего доход, содержу себя единственно личным трудом» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 8–8 об.).

В 1891 г. Манефа Александровна обратилась в Консistorию со встречным иском, обвиняя своего мужа в прелюбодейной связи с «дочерью поручика Евгенией Константиновной Смердовой, чему выставляла свидетелей и указывала, что вследствие связи Смердовой и ее мужа Смердова в 1888 г. родила дочь Надежду» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 316 об.). Решением Оренбургской духовной консистории супруги Генисаретские как совершившие обоюдное прелюбодеяние были оба преданы семилетней епитимии и оставлены в брачном союзе (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8815. Л. 324 об.).

В разводе же оренбургского адвоката Евсевия Марковича Городисского с женой Евдокией Захаровной был виноват исключительно сам супруг. Как показывали в бракоразводных документах супруги Городисские, «несчастная встреча в лето 1897 года одного из нас, Евсевия Городисского, в вокзале Белова [знаменитом в Оренбурге ресторане на набережной Урала – Е.Б.] с хористкой Пелагеей Яковлевной Смирновой, с которой он вступил в связь, оказала роковое влияние на нашу дальнейшую семейную жизнь. Небольшие семейные раздоры, к сожалению, происходящие во многих семействах, приняли после этого более острый характер. Смирнова сумела его взять в руки, своими изменами разжигая в нем чувство ревности. Я, Евдокия Городисская, несколько раз покидала свой

дом, а я, Евсевий Городисский, в это время окончательно устраивался вместе со Смирновой в одном доме» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 3).

9 ноября 1906 г. Городисские подписали прошение в Оренбургскую духовную консисторию о нежелании продолжать совместную жизнь (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 3 об.). Евсевию Марковичу на тот момент исполнилось 38 лет, «разлучнице» П. Я. Смирновой – 30. Возраст жены установить не удалось. Ситуация в этой семье была немного нестандартной, потому что Евсевий Маркович в 1894 г. был крещен в православие (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 2 об.), а его супруга сохранила иудейское вероисповедание. При крещении Евсевия Марковича обоими супругами были даны расписки о сохранении их брака и о том, что рождаемые в браке дети будут крещены по православному обряду, как того требовало законодательство. Евдокия Захаровна показывала, что она «давно имела намерение принять православие, но препятствием к этому сначала служило опасение огорчить старуху мать, ныне уже умершую», а впоследствии из-за связи мужа со Смирновой, «нежелание этим актом как бы ... закрепить сильнее брачные узы» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 4–4 об.).

Несмотря на имеющуюся расписку, Оренбургская духовная консистория, не проведя никаких бесед с Городисскими, не пытаясь примирить супругов, 11 ноября 1906 г. просто признала брак расторгнутым с разрешением Евсевию Марковичу вступить в новый брак «с лицом христианского вероисповедания, о чем последовал указ причту Градо-Оренбургской Иоанно-Богословской церкви, где на другой день произошло венчание Евсевия Городисского с вышеуказанной девицей Пелагеей Яковлевной Смирновой. Все сделано было с крайней поспешностью, так сказать, очертя голову!» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9351. Л. 4).

Такая поспешность не могла не повлечь за собой печальных последствий. В апреле 1910 г. Оренбургская духовная консистория приступила к разбирательству по делу о расторжении брака теперь уже новой жены присяжного поверенного Пелагеи Яковлевны Городисской с мужем Евсевием Марковичем «по его прелюбодеянию» (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10223). В ходе судебного разбирательства факт прелюбодеяния Городисского подтвержден свидетелями не был, и в иске Пелагее Яковлевне было отказано «по недоказанности» преступления (ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10223. Л. 36 об.).

Если высшее дворянство городов Оренбургской губернии ориентировалось на жизнь столицы, рядовое дворянство вело жизнь, во многом схожую с существованием мещанства или купечества. В этой среде дольше сохранялись традиционные семейные устои, а требования к заключению официального брака носили обязательный характер.

В сохранившихся метрических книгах оренбургских Петропавловской и Троицкой церквей за 1870–1871 гг. содержится информация о браках, заключенных в ней оренбургскими дворянами. Ориентируясь на Табель о рангах и российское законодательство, удалось определить, что на личное дворянство во второй половине XIX в. имели право гражданские чиновники, дослужившиеся до 9 чина (титулярного советника) и выше (коллежские асессоры 8-го чина, надворные советники 7-го чина). В Таблице 2 представлены дочери гражданских чиновников, поскольку на их примерах легче прослеживаются тенденции, существующие в брачном поведении оренбургского дворянства.

Судя по имеющимся данным, в Оренбурге дворяне не слишком заботились о сохранении социального статуса своих дочерей. Девушек чаще всего отдавали замуж за носителей более низких социальных статусов, в том числе за крестьян и солдат. Так, из 9 брачных пар, перечисленных в таблице, в 8 парах отцы невест находились в более высоком статусе, нежели их мужья, а в 1 паре статус отца и мужа был одинаков.

Таблица 2. Сведения о бракосочетании представительниц дворянского сословия по метрическим книгам Петропавловской и Троицкой церквей Оренбурга, 1870–1871 гг.

№	Сведения о невесте/ возраст невесты	Сведения о женихе/ возраст жениха
Петропавловская церковь. 1870 год (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39)		
1	Дочь юнкерского чиновника Оренбургской инженерной дистанции, титулярного советника Петрова девица Татьяна Григорьевна. Возраст – 17 лет. (Л. 47–48)	Аудитор Окружного штаба, коллежский асессор Лука Захарьевич Александров. Возраст – 35 лет.
2	Дочь умершего коллежского асессора Ходаровича девица Людмила Гвидановна. Возраст – 15,5 лет. (Л. 130 об.–131)	Корпуса военных топографов подпоручик Гавриил Егорович Родионов. Возраст – 28 лет.
3	Дочь титулярного советника Ивана Колоднова девица Елизавета. Возраст – 17 лет. (Л. 132 об.–133)	Аудитор Комиссии военного суда, коллежский секретарь Василий Яковлев. Вторым браком. Возраст – 33 года.

Троицкая церковь. 1870 год (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 41)		
4	Титулярного советника дочь, девица Анастасия Алексеевна Сероева. Возраст – 33 года. (Л. 77 об.–78)	Уфимской губернии новокрещенный из татар дворянин Алексей Алексеевич Еникеев. Возраст – 26 лет.
Троицкая церковь. 1871 год (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67)		
5	Надворного советника Василия Тимофеевича Сахарова, дочь девица Юлия. Возраст – 19 лет. (Л. 136 об.–137)	Младший помощник правительственной канцелярии губернатора коллежский регистратор Александр Михайлович Пустовалов. Возраст – 28,5 лет.
6	Неслужащего дворянина Николая Кузьмича Павлова, дочь девица Мария. Возраст – 18 лет. (Л. 136 об.–137)	Отставного рядового сын Василий Семенович Макаров. Возраст – 27 лет.
7	Неслужащего дворянина Николая Павлова дочь девица Татьяна. Возраст – 17 лет. (Л. 145 об.–146)	Неслужащего дворянина Евфимия Григорьевца Емаева сын Стефан Евфимиев. Возраст – 28 лет.
8	Неслужащего дворянина дочь девица Мария Федорова Никонова. Возраст – 22 года. (Л. 146 об.–147)	Симбирской губернии город Ардатова крестьянин собственник Яков Герасимов Абызов. Брак второй. Возраст – 36 лет.
9	Умершего коллежского асессора Павла Карпова дочь девица Акилина Павлова. Возраст – 19 лет. (Л. 160 об.–161)	Оренбургской военной исправительной роты младший помощник начальника роты поручик Аполлон Емилианов Аряшнов. Возраст – 34 года.

Второй момент, на который также следует обратить внимание, это значительная разница в возрасте жениха и невесты. В 8 парах из 9 жених был старше невесты. Разница в возрасте составляла от 9 до 18 лет. Такие супружеские союзы, в которых мужчина был старше жены на 10 и более лет, было принято относить к категории «неравных браков» (Гончаров, 2014: 217). Дворяне-чиновники, как правило, вступали в брачный союз достаточно поздно, стремясь вначале получить хорошую должность или дослужиться до высокого чина. В одной паре старше была невеста (на 7 лет). Как правило, оба будущих супруга вступали в первые браки. Возраст вступления в брак для девушки, как правило, составлял 17–19 лет (6 пар из 9).

Информация о дочерях дворян-офицеров поддается анализу с большими трудностями, поскольку большинство из них были дочерьми унтер-офицеров, которые могли иметь как дворянское, так и недворянское происхождение. Если же брать сведения только о дочерях высших офицеров, то таковых было выявлено немного. Согласно записям в метрических книгах Петропавловской и Троицкой церквей за 1870–1871 гг., дочь умершего генерал-майора Людмила Осиповна Парамонова (21 год) венчалась с коллежским асессором Матвеем Васильевичем Сверкуновым (34 года) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39. Л. 132 об.–133), дочь капитана Мария Степановна Соблукова (25 лет) – с капитаном Оренбургского губернского 4-го батальона по части строевой Владимиром Погоршемским (38 лет) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39. Л. 137 об.–138), дочь отставного поручика, «артистка имперских московских театров», девица Клавдия Александровна Зыбина (23 года) – с врачом Илецкого уезда Тургайской области Николаем Павловичем Чебатаревым (24 года) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67. Л. 134 об.–135), дочь поручика Мария Николаевна Крашенникова (18 лет) – с исполняющим должность полицейского пристава 1-й части города Оренбурга коллежским регистратором Александром Андреевичем Прокофьевым (28 лет) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67. Л. 141 об.–142), дочь умершего поручика Вера Тимофеевна Васина (17 лет) – с коллежским регистратором Герасимом Авкинтиевичем Ахмашетевым (26 лет) (ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 67. Л. 160 об.–161).

В этих брачных союзах также имело место неравенство статусов невесты и жениха. Так, дочь генерал-майора, имевшего 4-й чин по Табели о рангах, вышла замуж за носителя 8-го чина, а чин поручика (10) был выше чина коллежского регистратора (14). Разница в возрасте жениха и невесты, как и в ситуации с браками дочерей гражданских чиновников, сохранялась практически во всех случаях, хотя была несколько меньше, в диапазоне от 9 до 13 лет. Лишь в одном случае в брак вступили практически ровесники 23 и 24 лет. Для всех перечисленных супругов браки были первыми. Возраст вступления в брак для девушек этой категории составлял 17–25 лет.

В качестве брачной партии дочери дворян-офицеров, как правило, выбирали гражданских чиновников или представителей интеллигенции. Браки с дворянами, служащими по военному ведомству, были, по-видимому, менее предпочтительными, поскольку предполагали значительные бытовые трудности, связанные с частым изменением места службы супруга.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что в среде оренбургских гражданских чиновников и офицеров в условиях постоянной изменчивости состава этих социальных

групп, а также отдаленности и малой привлекательности Оренбургской губернии для поместного дворянства, найти достойную партию для дочери на выданье было сложно. Поэтому родители соглашались на ее брак с носителем более низкого чина, мужчиной младшего или значительно более старшего возраста. Ситуация усугублялась, если отец девушки, определяющий ее принадлежность к определенной социальной группе, а также достаток семьи, к моменту вступления дочери в брачный возраст уже скончался, и родственникам приходилось соглашаться, по сути, на любого жениха.

Общую картину семейного положения дворянок в городах Оренбургской губернии можно проследить по данным Переписи 1897 г., размещенным в таблице 3. Исходя из приведенных сведений, в браке состояло 32,4 % дворянок. В то же время в среднем по губернии горожанок, состоящих в браке, насчитывалось 63,68 % (ПВПН РИ, 1905: XV), то есть в два раза больше.

Во вдовстве находились 15 % дворянок (по губернии в среднем 16,41 % горожанок (ПВПН РИ, 1905: 52), 52,4 % дворянок были не замужем. Учитывая то обстоятельство, что среди 2323 дворянок, не состоявших в браке, 1847 входили в возрастную группу до 19 лет (79,5 %) (ПВПН РИ, 1905: 28), дворянок брачного возраста, не создавших семью, было всего 476 (10,7 %) или немногим более (учитывая, что брачный возраст девушек достигался в 16 лет). Дворянок, находившихся в разводе, насчитывалось всего 0,07 %. Таким образом, женщин дворянского сословия, достигших брачного возраста, но не состоявших в браке на момент Переписи было 25–30 %. Каждая 3–4 женщина брачного возраста, принадлежавшая к дворянскому сословию в городах Оренбургской губернии, проживала вне брака.

Таблица 3. Семейное положение дворянок в городах Оренбургской губернии (ПВПН РИ, 1905: 52)

	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего
Девушки	1 614	43	318	219	115	14	2 323
В браке	950	30	229	142	70	17	1 438
Вдовы	475	17	69	61	31	12	665
Разведенные	3	0	0	0	0	0	3
Не указано	3	0	0	0	0	0	3
Всего	3 045	90	616	422	216	43	4 432

Одной из причин могла быть существенная диспропорция в соотношении мужской и женской части дворянства. На 100 мужчин-дворян в губернии приходилось 111,4 женщин того же сословия (ПВПН РИ, 1905: XII). И это была самая большая разница между мужским и женским населением среди всех сословий, проживающих в регионе. В Оренбурге женщин-дворянок было на 269 чел. больше, чем мужчин-дворян, в Верхнеуральске – на 65 чел., в Илецкой защите – на 19 чел., в Орске – на 14 чел., в Челябинске – на 8 чел. и в Троицке – на 6 чел. Здесь крылись корни и высокой степени половой свободы, и основания для неравных браков. В то же время какая-то часть дворянок могла сознательно сохранять свой статус «свободной женщины».

Свою роль играла и высокая степень образованности горожанок дворянского сословия. Общий уровень грамотности дворянок городов Оренбургской губернии в конце XIX в. составлял 76 % (грамотными были 3374 дворянки из 4432, проживающих в городах) (ПВПН РИ, 1905: 28). В Оренбурге таковых насчитывалось 2360 (77,5 % дворянок в городе), в Челябинске – 459 (74,5 %), в Троицке – 328 (77,7 %), в Верхнеуральске – 148 (68,5 %), в Орске – 59 (65,6 %) и в Илецкой защите – 20 (46,5 %). В Оренбурге, Троицке и Челябинске даже проживали дворянки, имеющие университетское образование (3, 5 и 1 человек соответственно) (ПВПН РИ, 1905: 36, 44). При наличии такого уровня образованности стремление к личностному самовыражению, личностному комфорту приобретало значимые ценностные характеристики.

5. Заключение

Изучив имеющиеся источники, следует констатировать, что во второй половине XIX – начале XX вв. в дворянских семьях городов Оренбургской губернии стали происходить серьезные перемены. Росло число дворянок, предпочитавших вести свободную жизнь, либо не вступая в брачный союз, либо расторгая имеющиеся брачные узы. Развод в дворянской среде стал распространенным явлением. Наиболее распространенным основанием для расторжения брака было «нарушение святости брака прелюбодеянием», которое объяснялось ответчиками длительным отсутствием одного из супругов или сильным любовным увлечением. Городское сообщество относилось к этому терпимо, что было обусловлено отсутствием крепких родственных или корпоративных связей в местном дворянстве, имеющем чаще всего иногубернское происхождение и пребывающем в губернии временно, по делам службы.

Общий тон свободному поведению дворянок, принадлежавших к высшей городской аристократии, задавали высшие губернские чиновники, включая губернаторов. Именно они поощряли адюльтер среди своих подчиненных и сами часто становились участниками любовных интриг. Высокий уровень образованности оренбургских дворянок смещал аксиологический акцент в сторону личного счастья, самовыражения, ставя на первое место понятия любви, но не супружеского долга. Супруги могли развестись относительно мирно, но иногда бракоразводный процесс растягивался на годы.

В дворянстве средней руки традиционные семейные взаимоотношения сохранялись более длительное время. Институт брака продолжал сохранять свою социальную ценность. Однако в ситуации существенного преобладания женской составляющей оренбургского дворянства над мужской, а также постоянной сменяемости чиновничье-офицерского состава городских жителей дворянкам приходилось соглашаться на неравные браки с носителями более низких социальных статусов, мужчинами значительно старше или даже младше себя.

В целом, изложенные в статье факты позволяют говорить о глубинной трансформации семейной сферы женской повседневности провинциальных горожанок дворянского сословия, произошедшей в пореформенную эпоху. Вектором этих изменений было расширение степени женской свободы в сфере супружеских взаимоотношений, происходившее вопреки стремлению Церкви сохранить институт брака в рамках традиционных устоев.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17-31-00010-ОГН «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)»

Литература

- Банникова, 2014** – Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: ООО «Полтораки», 2014. 440 с.
- Белова, 2007** – Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // *Вестник российского университета дружбы народов. Серия: история России*. 2007. № 2 (8). С. 5–14.
- Бурлуцкая, 2018** – Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Оренбургское высшее общество глазами писателя. Повесть А.Н. Плещеева "Пашинцев" как источник по истории женской провинциальной повседневности / *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции: в 2-х томах*. Ответственный редактор В.А. Веремченко. СПб.: Изд-во ЛГУ, 2018. Т. 2. С. 232–239.
- Веремченко, 2009** – Веремченко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2009. 682 с.
- Веремченко, 2017** – Веремченко В.А. "Кухонная модернизация" и дворянская семья в России второй половины XIX – начала XX века // *Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX – начала XX вв. Материалы Всероссийского (с международным участием) научного семинара. Сборник научных работ*. Череповец: Череповецкий государственный ун-т, 2017. С. 180–185.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Гончаров, 2002** – Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
- Гончаров, 2014** – Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 348 с.
- Залесов, 1903** – Залесов Н.Г. Записки // *Русская старина*. 1903. № 114. Май. С. 267–289.
- Лобысевич, 1878** – Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история России. XVIII – начало XX вв. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. 548 с.
- Мишанина, 2017** – Мишанина Е.В. Оренбургское поместное дворянство: история, быт, культура. Оренбург: Университет, 2017. 336 с.

- Пантелеев, 1958** – *Пантелеев Л.Ф.* По возвращении из Сибири // Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 619–638.
- Пашкова, 2002** – *Пашкова Е.А.* Трансформация культурных ценностей в пореформенный период и проблемы семьи в дворянской среде // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2002. № 1 (13). С. 112–113.
- ПВПН РИ, 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.; Типография «Товарищества Художественной печати», 1905. 198 с.
- Плещев, 1960** – *Плещев А.Н.* Пашинцев // Плещев А.Н. Избранное: Стихотворения. Проза. М.: Гослитиздат, 1960. С. 508–632.
- Рашин, 1956** – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.
- Рябова, 2015** – *Рябова Т.И.* Художественная литература как исторический источник // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам. Материалы третьей международной научно-практической конференции. Под редакцией В.С. Артемовой. Брянск: изд-во Брянской государственной инженерно-технологической академии, 2015. С. 88–92.
- Свод, 1907** – Свод военных постановлений 1869 года. СПб.: Государственная типография, 1907. Книга VII: Прохождение службы по военному ведомству. 396 с.
- Селиверстов, 2009** – *Селиверстов С.С.* Повседневная жизнь дворянской семьи Наумовых // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского.* 2009. № 11 (15). С. 130–134.
- Устав, 1883** – Устав духовных консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1883. 200 с.
- Чернов, 2007** – *Чернов И.В.* Заметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2007. 272 с.

References

- Bannikova, 2014** – *Bannikova E.V.* (2014). Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo kupechestva (na materialakh gubernii Urals doreformennogo perioda) [Daily life of provincial merchants (based on materials of Ural Governorates of the pre-reform period)]. SPb.: OOO «Poltorak». 440 p. [in Russian]
- Belova, 2007** – *Belova A.V.* (2007). Zhenskaya dvoryanskaya povsednevnost' v kontekste genderno chuvstvitel'noi sotsial'noi istorii [Everyday life of noblewomen in the context of gender-sensitive social history]. *Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: istoriya Rossii.* № 2 (8). pp. 5–14. [in Russian]
- Burlutskaya, 2018** – *Burlutskaya (Bannikova) E.V.* (2018). Orenburgskoe vysshee obshchestvo glazami pisatelya. Povest' A.N. Pleshcheeva "Pashintsev" kak istochnik po istorii zhenskoj provintsial'noi povsednevnosti [Orenburg high society as seen through the eyes of a writer. Novella «Pashintsev» by A.N. Pleshcheyev as a source of historical data about everyday life of provincial women]. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'.* Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2-kh tomakh. Otvetstvennyi redaktor V.A. Veremenko. SPb.: Izd-vo LGU. T. 2. pp. 232–239. [in Russian]
- Chernov, 2007** – *Chernov I.V.* (2007). Zаметки по истории Оренбургской губернии генерал-майора И.В. Чернова [Notes on the history of Orenburg Province, Major-General I.V. Chernov]. Orenburg: Izd-vo «Orenburgskaya guberniya». 272 p. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State archive of the Orenburg region].
- Goncharov, 2002** – *Goncharov Yu.M.* (2002). Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [City family of Siberia in the second half of the XIX – early XX century]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 384 p.
- Goncharov, 2014** – *Goncharov Yu.M.* (2014). Oчерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX вв. [Essays of the daily life of Siberian townspeople of the second half of the XIX – beginning of the XX century]. Barnaul: Izd-vo AltGU. 348 p. [in Russian]
- Lobysevich, 1878** – *Lobysevich F.I.* (1878). Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskii oчерk [The city of Orenburg: a historical and statistical essay]. SPb.: Tipografiya E. Goppe. 60 p. [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii. XVIII – nachalo XX vv. Genezis lichnosti, demokraticheskoj sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia. XVIII – early XX century. Genesis of personality, democratic family, civil society and the constitutional state]: V 2 t. SPb.: Izd-vo «Dmitrii Bulanin». T. 1. 548 p. [in Russian]
- Mishanina, 2017** – *Mishanina, E.V.* (2017). Orenburgskoe pomestnoe dvoryanstvo: istoriya, byt, kul'tura [Orenburg land-owning nobility: history, daily life, culture]. Orenburg: Universitet. 336 p. [in Russian]
- Panteleev, 1958** – *Panteleev L.F.* (1958). Po vozvrashchenii iz Sibiri [After returning from Siberia]. Panteleev L.F. Vospomnaniya. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. pp. 619–638.
- Pashkova, 2002** – *Pashkova E.A.* (2002). Transformatsiya kul'turnykh tsennostei v poreformennyi period i problemy sem'i v dvoryanskoj srede [The transformation of cultural values during the post-reform period and the problems of the family in the aristocratic environment]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii.* № 1 (13). pp. 112–113. [in Russian]

- Pleshcheev, 1960** – Pleshcheev A.N. (1960). Pashintsev [Pashincev]. Pleshcheev A.N. Izbrannoe: Ctkhotvoreniya. Proza. M.: Goslitizdat., pp. 508–632. [in Russian]
- PVPN RI, 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 [The First Census of the Russian Empire, 1897]. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD pod red. N.A. Troinitskogo. Tom XXVIII: Orenburgskaya guberniya. SPb.; Tipografiya «Tovarishchestva Khudozhestvennoi pečhati», 1905. 198 p. [in Russian]
- Rashin, 1956** – Rashin A.G. (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913). Statisticheskie ocherki [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. M.: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. 352 p. [in Russian]
- Ryabova, 2015** – Ryabova T.I. (2015). Khudozhestvennaya literatura kak istoricheskii istochnik [Fiction as a historical source]. *Voprosy sovremennoi filologii i problemy metodiki obucheniya yazykam. Materialy tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pod redaktsiei V.S. Artemovoi. Bryansk: izd-vo Bryanskoj gosudarstvennoj inzhenerno-tehnologicheskoi akademii. pp. 88–92. [in Russian]
- Seliverstov, 2009** – Seliverstov S.S. (2009). Povsednevnyaya zhizn' dvoryanskoi sem'i Naumovykh [The daily life of the noble family of Naumovs]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. № 11 (15). pp. 130–134. [in Russian]
- Svod, 1907** – Svod voennykh postanovlenii 1869 goda. [The Code of Military Decrees of 1869]. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. Kniga VII: Prokhozhdenie sluzhby po voennomu vedomstvu. 396 p. [in Russian]
- Ustav, 1883** – Ustav dukhovnykh konsistorii [Statute of Diocesan Consistories]. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1883. 200 p. [in Russian]
- Veremenko, 2009** – Veremenko V.A. (2009). Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Noble family and state policy of Russia (second half of XIX – beginning of XX century)]. SPb.: Izd-vo «Evropeiskii Dom». 682 p. [in Russian]
- Veremenko, 2017** – Veremenko V.A. (2017). "Kukhonnaya modernizatsiya" i dvoryanskaya sem'ya v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka ["Kitchen modernization" and noble families in Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Gosudarstvo, kapitalizm i obshchestvo v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. Materialy Vserossiiskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo seminara. Sbornik nauchnykh rabot*. Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi un-t. pp. 180–185. [in Russian]
- Zalesov, 1903** – Zalesov N.G. (1903). Zapiski [Notes]. *Russkaya starina*. № 114. Mai. pp. 267–289.

Супружеские отношения в семьях оренбургских аристократок в пореформенный период (поведенческий и ментальный компоненты)

Елена Вадимовна Бурлуцкая (Банникова) ^{а,*}

^а Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье в рамках такого направления научных исследований, как история повседневности, анализируются взаимоотношения между супругами в семьях дворянок, проживающих в городах Оренбургской губернии в пореформенную эпоху. В качестве объекта изучения берутся поведенческий и ментальный компоненты женской семейной повседневности, то есть поступки и сознание дворянок, относящиеся к сфере отношений супругов. Привлеченные к исследованию источники позволяют констатировать, что вторая половина XIX – начало XX вв. демонстрировали существенную трансформацию внутрисемейных связей, вызванную общей модернизацией российского общества. Женщины начинали все чаще открыто или косвенно заявлять о своих личностных интересах, проявляя все большую свободу поведения в рамках семьи. Увеличивалось число женщин, живущих вне брака.

В городах Оренбургской губернии эти процессы получили дополнительное своеобразие, которое объяснялось нестандартным составом городской дворянской аристократии. Ее представители, как правило, имели иногубернское или иностранное происхождение, прибывали в регион только на время службы и не рассматривали губернию в качестве места своего постоянного пребывания. Это существенно снижало уровень социального контроля и обуславливало большую свободу нравов, особенно в высших слоях дворянства. Дворянки среднего уровня в большей степени тяготели к сохранению традиционных семейных устоев, не исключая при вступлении в брак даже «неравных» союзов. Однако существенная разница в численности мужского и женского населения губернии, принадлежавшего к дворянскому сословию, высокий уровень образованности проживающих здесь дворянок заметно снижали показатели брачности.

Ключевые слова: провинция, повседневность, женщины, дворянки, семья, брак.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая (Банникова))